

Л. ЛЕБЕДЕВ

КАК раскрываются загадки и тайны истории

Л. ЛЕБЕДЕВ

КАК РАСКРЫВАЮТСЯ ЗАГАДКИ И ТАЙНЫ ИСТОРИИ

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ЗНАНИЕ»
Всесоюзного
общества
по распространению
политических
и научных
знаний
Москва 1963**

СОДЕРЖАНИЕ

Интервал в тысячи лет	5
Как маленький новгородец Онфим начал дискуссию больших ученых	8
Русская музыка в Лондоне	15
Ваша встреча с таинственным незнакомцем	18
Одна из тайн железной монополии . . .	23
Литература	32

*На обложке дан рисунок
грамоты
Онфима (грамота № 206).*

Автор Лев Алексеевич Лебедев

Редактор Ю. Ф. Давыдова
Техн. редактор Л. Е. Атрошенко
Корректор В. М. Климачева
Обложка А. Г. Ординарцева

Сдано в набор 14.III. 1963 г.
Подписано к печати 10.IV. 1963 г.
Изд. № 16. Формат бум. 60×90¹/₁₆.
Бум. л. 1,0. Печ. л. 2,0. Уч.-издат. л. 1,7,
А 03798. Цена 6 коп.
Тираж 62 000 экз. Заказ 805.

Изд-во «Знание». Москва, Центр,
Новая пл., д. 3/4.

Типография изд-ва «Знание».
Москва, Центр, Новая пл., д. 3/4.

Если бы историю можно было уподобить географической карте, то оказалось бы, что известны и очерчены лишь общие контуры крупных материков (да и то еще не всех), кое-где есть куски поверхности с многими установленными деталями рельефа от значительных до самых мельчайших, а огромные пространства представляют собой сплошные белые пятна. Это те пространства, которые еще ждут своих Колумбов, Магелланов, Дежневых. Для истории эпоха великих открытий, если на время смотреть исторически, по существу только началась.

Величайшим достижением человеческой научной мысли явились открытые Марксом, Энгельсом, Лениным закономерности и внутренние пружины исторического процесса. Знание законов общественного развития помогло советским ученым, всем ученым-марксистам достичь больших успехов в разработке проблем исторической науки. Иную картину представляет собой буржуазная история в странах капитала. В плену у антинаучных буржуазных теорий, она блуждает в потемках, не в силах объяснить прошлого, а значит, не в состоянии пролить свет на будущее. Конечно, среди буржуазных ученых есть блестящие историки, которым удалось сделать ряд интересных открытий. Но кто говорит, что нельзя однажды пайти зарытый сундук с золотом и разбогатеть на всю жизнь? Можно. Однако это удел счастливых одиночек, которым завидуют. А как сделать, чтобы находки, обогащающие человечество, могли стать закономерными для каждого, кто ищет в истории, для всех, кто ей служит?

Нужно знать, как искать, т. е. иметь в руках подлинно научный принцип подхода к вещам и явлениям. Такой общий принцип дает только марксизм-ленинизм. Это методология, это тот компас, с которым можно открывать Америки. Он на вооружении всех отрядов советской исторической науки.

Неумудрено поэтому, что с точки зрения методики, т. е. тех конкретных способов и путей, по которым идти к открытию,

марксистская наука история находится в наилучшем положении. Ей легче отыскать такие пути и труднее на них заблудиться: известно точное направление, и компас подскажет, если сбился с пути. А такие конкретные методы чрезвычайно важны. На каждом шагу мореплавателей и землепроходцев истории подстерегают загадки и тайны, не раскрыв которых, не пойдешь дальше.

Как раскрываются загадки и тайны истории?

На этот вопрос мы и хотим ответить. Но рассказать обо всем в одной брошюре нельзя. Поэтому мы познакомим лишь с несколькими способами, лишь с несколькими инструментами, которыми пользуются историки, открывающие тайны,

ИНТЕРВАЛ В ТЫСЯЧИ ЛЕТ

История и современность... Коммунистическое завтра и далекое рабовладельческое прошлое древнего Хорезма. Интервал в сотни и тысячи лет. Есть ли хоть какая-то связь?

Двукрылый зеленый АН-2, похожий на стрекозу, урча своим единственным мотором, летит над пустыней. На десятки километров — никого и ничего. Только тень самолета, как одинокая собачонка, бежит за ним по горячему песку.

В самолете несколько человек. И все с удивительным вниманием разглядывают пески, проплывающие под ними. Можно подумать, что эти люди что-то потеряли и теперь с самолета пытаются высмотреть пропажу.

Впрочем, такая мысль не была бы ошибкой.

В молчаливых песках Кара-Кумов действительно потеряны интереснейшие вещи: некогда цветущие города, грозные крепости, богатые сады и виноградники и, главное, обширные сети полноводных каналов, орошавших поля и питавших кипучую жизнь. Жизнь была здесь тысячи лет назад, а теперь — только песок. Порой, сколько ни ходи по нему, ничего не найдешь. И те, кто сидит в самолете, тоже ходили по тем местам, над которыми летят, и ничего не нашли.

Вдруг самолет вздрогнул и начал делать разворот, полетел назад, потом снова разворот и снова вперед, люди оживились, защелкала фотокамера. Люди увидели с самолета древний канал и большой виноградник, которые... лежат под землей вот уже 2000 лет! С высоты 600 метров над землей заглянуть под землю?! Возможно ли это? Оказывается, возможно.

Вы шагаете по земле, которая (даже если она кажется вам гладкой поверхностью) имеет некоторые неровности: какие-то наплывы, какие-то спады, подчас совсем незаметные для глаза, высотой или глубиной не более нескольких сантиметров. И если даже, допустим, вы видите их, то самый опытный глаз может совсем не уловить здесь ничего интересного (мало ли на земле неровностей, она вся ими покрыта!).

Но совсем иначе могут представиться вам эти неровности, если подняться на большую высоту в момент, когда на землю падают косые лучи утреннего или вечернего солнца и когда даже маленький камешек бросает длинную тень. Тогда-то мельчайшие бугорки и впадинки, по которым вы вчера ступали собственными ногами, не замечая ничего особенного, сегодня, с высоты, возможно, будут отчетливо видны как прерывистые, но все же ясные границы и очертания какого-то давно погребенного под землей сооружения.

Так случилось и в этот раз. Археологи, сидевшие в самолете (а это были именно археологи), ясно увидели на песках две параллельные, тянущиеся на большое расстояние линии, напоминающие лыжню, проложенную в снегу любителями зимнего спорта, а под углом к этим линиям подходили рядами полосы, очень похожие на грядки. Тут же был сделан снимок. На это место отправилась поисковая партия. Оказалось, что фотокамера запечатлела с самолета следы древнего канала Кельтеминар с остатками прилегающего виноградника в окрестностях такой же древней крепости Кой-Крылган-Кала, которая существовала с IV века до н. э. по I век н. э.

Это была не совсем случайная находка. На протяжении целого ряда лет в Туркмении, в окрестностях древнего Хорезма, ведет свои работы Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция под руководством профессора С. П. Толстова. И одним из самых основных способов разведки в этой экспедиции является авиационная разведка.

Авиация, воздух и археология, древности, похороненные в земле... Как удивительно, оказывается, могут сочетаться самые несочетаемые вещи!

Авиационная разведка с применением аэрофотосъемки ведется по определенному плану, последовательно покрывая с воздуха большие пространства земель древнего Хорезма.

Сделаны тысячи аэрофотоснимков, обнаруживших сотни не известных науке древних захоронений, крепостей, городов, поселений и т. п.

Работа авиаразведки напоминает прямо-таки боевую обстановку. В любую минуту пилот готов к команде: «Необходима посадка». И в голой пустыне иногда в очень трудных посадочных условиях на землю спускается воздушный археологический десант, чтобы немедленно обследовать обнаруженный сверху памятник древности.

А надо сказать, что такие памятники могут находиться даже тогда, когда никаких неровностей почвы их остатки не образуют и никаких теней не дают... Как?

Каждый, безусловно, замечал, но вряд ли придавал особое значение тому факту, что в поле, на лесной поляне или в степи растительный покров неоднороден. Местами трава растет гуще, местами реже, при этом она может иметь разные

цветовые оттенки. Почва тоже имеет в разных участках различные цвета.

И оказалось, что очень часто именно эти свойства растительности и почвы выдают тайны погребенных в земле остатков древней жизни.

Отгадка проста. В кюветах древних дорог, в руслах давно высохших рек, каналов, даже если они полностью засыпаны наносами земли или песка, состав почвы всегда несколько иной, чем в близлежащих участках. Это дает себя знать либо в цвете и густоте растительности, либо в цветовых оттенках самой почвы. В песках хорезмийской пустыни с весьма редкой растительностью древние каналы иногда обнаруживают себя тем, что на месте их засыпанных русел растительность, как правило, гуще. Дно древних каналов, хранящее принесенные водой остатки плодородной почвы и полезных веществ, создает благоприятные условия и для современных растений. С земли заметить это почти невозможно. А с воздуха... Именно по густоте растительного покрова ученые нашли, например, магистральный канал у развалин старинной крепости Большой Кырк-Кыз. Обнаружение каналов — важнейшая задача экспедиции. Благодаря ее усилиям шаг за шагом вырисовывались оросительные системы, создаваемые трудом многих поколений древних хорезмийцев.

...В величайшем документе эпохи — Программе партии, принятой XXII съездом, поставлена, в частности, и такая задача: «...выполнить обширную программу **ирригационного строительства** для орошения и обводнения миллионов гектаров новых земель в засушливых районах и подъема существующего поливного земледелия».

Орошение в пустыне... Если бы только древние хорезмийцы знали, какую большую помощь в выполнении этих решений могут они оказать своим опытом!.. Возможно, они и думали о своих далеких потомках. Но время в течение столетий трудилось над тем, чтобы спрятать под землю творения их рук и разума. Под землю, у которой современная история и самая современная техника вырывают тайны ценнейшего опыта далеких поколений.

КАК МАЛЕНЬКИЙ НОВГОРОДЕЦ ОНФИМ НАЧАЛ ДИСКУССИЮ БОЛЬШИХ УЧЕНЫХ

Мы рассказали об одном из способов археологических поисков. Найти — это очень важно. Но если бы только находкой ограничивались задачи археологов!..

Профессор А. В. Арциховский познакомился с новгородским школьником Онфимом совсем недавно, в 1951 году, и в свою очередь представил его академику Б. А. Рыбакову. Оба несказанно обрадовались! Обрадовались вместе со всеми историками и неисториками, которые только узнали об этом знакомстве. Еще бы! Онфиму было, как подсчитал профессор Арциховский, лет 760...

Мальчуган оказался на редкость общительным. Он рассказывал историкам о том, как он учился в древнем Новгороде семь веков назад, показал свои тетрадки и даже поведал свои заветные мечты в рисунках, где изображал себя воином, совершающим чудесные подвиги. Эти школьные записи и рисунки, сделанные на бересте, служившей новгородцам так же, как нам служит бумага, были найдены при раскопках древнего Новгорода. Руководил раскопками профессор А. В. Арциховский.

Уникальнейшая в мире находка! В серии других берестяных грамот, на протяжении ряда лет открытых для мировой науки Новгородской экспедицией, она является еще одним замечательным подтверждением высокой культуры и удивительно широкого распространения грамотности среди наших далеких предков. Находка, конечно, очень важна и сама по себе, так как может дать представление и о том, как учились грамоте новгородцы.

Все рады! Но... представившись двум крупнейшим советским ученым, Онфим не подумал о том, сколько он доставит им хлопот одним небольшим обстоятельством. Дело в том, что о времени своей жизни он заявил как-то уж очень неопределенно. Свои тетрадки он оставил в ярусе № 15. Что такое ярус?

...В этом-то вопросе и оказалось заложено яблоко раздора.

Если кто-нибудь думает, что вещи, начинающие вдруг говорить человеческим голосом, — вымысел детских сказок, тот глубоко ошибается. Вещи говорят. Это они рассказали миру о том, как жил первобытный человек, каким он был, как затем воздвиг его потомок на земле чудесные города, пирамиды и статуи. Это они, вещи, рассказали нам, как человек открыл прекрасное, как создал науки, что он думал, какие силы управляли историей. Если бы вещи не рассказывали, мы никогда не постигли бы законов, по которым развивалось общество, а значит, не могли бы знать законов, по которым оно будет развиваться.

Вещи говорят. Но заставить их говорить совсем не просто. И если кто-нибудь думает, что волшебные слова, которыми заклинают, — опять-таки сказочный вымысел, — тоже ошибается. Правда, чтобы произнести эти заклинания, не нужно быть магом, нужно быть ученым, знающим и опытным.

И стоит только такому ученому вымолвить над найденным в земле, например каменным топором, магическую формулу: «твой возраст — (столько-то) тысяч лет», как топор немедленно заговорит!

Да, это не шутка. Как только будет определено с максимально возможной точностью, к какому времени относится та или иная находка, так она расскажет нам целую повесть о времени, когда ею пользовались. Если же возраст вещи определен неверно — она может дать совсем искаженное представление о том периоде, к которому ее ошибочно отнесли: в панораме истории появится туманное пятно, мешающее видеть истину.

Но как определить возраст находки?

Это вопрос вопросов многих научных экспедиций.

Иногда возраст находок в земле определяют по тем геологическим слоям, в которых они залегают. Если сделать срез почвы, то окажется, что она состоит из ряда слоев, иногда очень четко отличаемых друг от друга. Они образовались в течение определенных периодов времени. Геологи давно научились узнавать возрасты таких слоев. Их достижениями воспользовались историки. Если известен возраст геологического слоя почвы — известен, таким образом, и примерный возраст вещи, найденной в этом слое.

Но такой способ применим не всегда. Слои, например, могут не выделяться с достаточной четкостью или совсем не выделяться. Или в одном и том же геологическом напластовании почвы может быть сразу несколько культурных слоев,

т. е. слоев, образовавшихся из органических, строительных, вещевых и других остатков человеческой деятельности.

Культурные слои в городе следуют один за другим, и отделять их друг от друга, установив взаимный возраст, оказывается чрезвычайно трудным делом.

С этим и столкнулась Новгородская экспедиция профессора Арциховского. Новгородцы, жившие в глубокой древности, не знали асфальта. Они знали лес. Леса было много. Из бревен строились дома. Бревнами мостили улицы. Когда старая мостовая приходила в негодность, прямо поверх нее делали новую, укладывая бревна поперек линии движения. И так время от времени на протяжении веков.

Археологи копали Неревский конец Новгорода на большую глубину, где попадались вещи от XVII до X века н. э. Было установлено, что с середины X до середины XVI века мостовые обновлялись 28 раз. 28 ярусов деревянных мостовых, положенных одна на другую, запечатлели 600 лет жизни Новгорода. Если предположить, что мостовые изнашивались и обновлялись каждый раз в течение более или менее одинаковых периодов времени, то, разделив 600 на 28, получим, что один ярус мостовых соответствует 20—25 годам истории города. Тогда вещи, находимые на мостовой или вблизи нее, могут быть датированы с точностью по крайней мере до 20 лет.

А как быть с вещами, находящимися далеко от мостовой, в глубине городских усадеб и дворов? Было замечено, что вещи, обнаруженные вблизи определенного яруса мостовой, часто повторяются на такой же глубине и в других местах. На этом основании было сделано заключение: ярус мостовой повсеместно соответствует более или менее одинаковой толщине культурному слою (примерно 20 сантиметров), т. е. вещи, найденные вдалеке от мостовой на глубине определенного ее яруса, датируются этим ярусом.

Вот что такое ярус.

Огромное количество ценнейших находок Новгородской экспедиции было распределено по шкале ярусов и датировано ими. Создание непрерывной хронологии больших комплексов вещей, последовательно отражающих историю крупнейшего русского города на протяжении 600 лет, было делом огромной важности!

А. В. Арциховский и Б. А. Колчин, разработавшие эту хронологию на основе своей шкалы ярусов, казалось, достигли большого успеха. Но...

О, это коварное и таящее в себе всяческие неизвестные каверзы «но»!

И надо же было, чтобы это самое «но» сказал ученым — кто? — маленький новгородец Онфим, который жил и учился во времена 15-го яруса.

В одной из своих берестяных тетрадок, которую современные ученые обозначили как грамоту № 206, Онфим написал какие-то цифры. Цифры были не очень разборчивы. Профессор А. В. Арциховский, разглядывая их, не нашел ничего особенного и полагал, что это просто набор чисел, возможно, некое школьное упражнение.

Но когда эту грамоту стал изучать академик Б. А. Рыбаков, то ему показалось, что здесь написана какая-то дата. Внимательный, детальный анализ, и цифры ожили. Да! Сомнения нет, Онфим написал дату — «1263 год»!

А ведь 15-й ярус по шкале Арциховского — Колчина датируется концом XII — началом XIII века. Расхождение с датой Онфима более чем в полстолетия!

Значит, неверно датированы ярусы? Или принцип датировки культурных слоев по ярусам мостовой — и теперь дело не только в Онфиме — может быть неверен? А. В. Арциховский выступил против соображений Б. А. Рыбакова и его расшифровки цифр Онфима. Тогда Рыбаков решил обратиться к подлиннику записей новгородского школьника (до этого он пользовался фотокопией). Но... (опять «но»!) с тех пор, как с грамоты № 206 сделали фотокопию, на берестяной тетрадке успела появиться трещинка, прошедшая как раз через цифры... Теперь они стали действительно бессмысленным набором чисел. И все же Б. А. Рыбаков не отступал. Он находил все новые и новые аргументы, ставящие под сомнение всю новгородскую хронологию. Им была предложена своя хронологическая шкала для распределения по ней новгородских находок, основанная на следующих соображениях.

Новгородские летописи отмечали частые пожары, которые случались в городе (ведь он был почти сплошь деревянным), указывая не только год, но и месяц, число и иной раз даже часы пожара. Таким образом, соотнося следы пожаров, обнаруживаемые при раскопках, с летописными сведениями о них, можно точно датировать культурные слои, отложившиеся за время от одного пожара до другого. Это и попробовал использовать академик Рыбаков. Очень заманчивая возможность! Но... (и теперь это «но» обернулось против Б. А. Рыбакова) летописи фиксировали только крупные пожары. А в Новгороде часто происходили мелкие пожары отдельных частей города, которые считались в ту пору обычным явлением и летописями не отмечались. И где гарантия, что, найдя след пожара в Неревском конце Новгорода, где работала экспедиция, мы имеем дело с крупным пожаром, отмеченным летописью, а не с мелким, который был гораздо раньше или позже? И наоборот, какой-то из крупных пожаров, охватив большую часть города, мог не коснуться Неревского конца, и тогда там не будет его слоев в раскопках...

Что же делать? Как датировать все-таки новгородские

находки, имеющие огромную ценность для науки? Между учеными вспыхнула война. Мечи скрестились. Искры посыпались во все стороны, зажигая сердца археологов, историков, палеографов, языковедов и... ботаников. Да, ботаников! И, как это ни удивительно, все решили именно они, ботаники...

* *
*

Люди в халатах у приборов и образцов древесины... Но если послушать их, то речь идет не только о свойствах деревьев, об их породах, возрасте и т. п. Здесь можно услышать такие слова, как «Холопья улица», «церковь Михаила Архангела», «раскоп»... Это лаборатория дендрохронологии Института археологии Академии наук. Дендролог Л. Н. Солицева, анатомы высших растений Е. В. Гончаров и В. Т. Крутицкий рука об руку с учеными-археологами решают сложнейшую проблему новгородской хронологии.

Есть в ботанической науке раздел, называемый таким малоизвестным термином — «дендрохронология». «Дендрон» (по-гречески) — дерево, «хронос» — время. Дендрохронология — наука о возрасте деревьев.

Каждый год лес одевает на себя роскошные зеленые одежды, и каждый год торжественно сжигает их невидимым огнем, превращающим листву в разноцветную осеннюю сказку.

Все мы не раз любовались и тем и другим. Каждый знает, что из года в год на всех деревьях нарастают как бы чехлы. Если посмотреть на поперечный срез древесины, то следы этих чехлов отлично видны. Это кольца, которые как бы одеваются одно на другое, постепенно расходясь от одного маленького центра. Сколько лет дереву, столько и колец на его срезе.

Ботаникам давно известно, что толщина годовичных колец деревьев неодинакова. Если климатические условия жизни дерева или другие естественные факторы были в этот год благоприятны для роста — чехол на дереве нарастает больше, кольцо получается шире. Если, наоборот, условия оказались неблагоприятными — кольцо будет уже. Колебания внешней среды происходят одновременно на значительных пространствах и оказывают одинаковое влияние на все деревья данной лесной зоны.

Если сопоставить срезы двух деревьев, которые одновременно родились и росли, то колебания толщины колец окажутся совершенно одинаковыми. Скажем, десятое по счету кольцо одного среза оказалось значительно уже предыдущих, а следующее, одиннадцатое, — шире. У среза другого дерева 10-е и 11-е кольца обнаружат точно такие же признаки.

Теперь предположим, что из двух деревьев одного леса одно старше, другое моложе. Пожилое дерево срубили, а молодое еще продолжало какое-то время расти. Потом срубили и это дерево. Если нам известен год рубки последнего дерева, то можно ли узнать, когда было срублено первое, т. е. в нашем примере более старое? Можно. Для этого надо сопоставить их срезы и заметить, после какого рубежа (какого кольца) последнего дерева признаки колец обеих деревьев начинают совпадать. Допустим, мы установили, что с 20-го кольца (счет начинается от внешнего кольца) эти признаки стали совпадать. Это значит, что дерево, срубленное последним, жило еще 20 лет, после того как срубили первое (до этого они оба росли). Простым арифметическим расчетом, отнимая от известного года рубки последнего, молодого дерева 20 лет, мы получаем точную дату рубки первого дерева.

Этот принцип и был положен в основу всей новгородской хронологии. Большинство построек древнего Новгорода были деревянными. Их остатки сохранились в земле. Ученые предположили, что срубленные деревья в тот же год шли в постройку. Сравнивая срезы бревен и устанавливая годы рубки деревьев, они устанавливали почти точные даты построек мостовых и других сооружений в глубине усадеб и дворов. Так выяснилось взаимное расположение культурных слоев (ярусов).

Специальная экспедиция привезла 1431 образец древесины древних сооружений Новгорода для анализов. Отправными точками служили те постройки в городе, даты которых точно известны из летописных и других источников. На каждое бревно составлялся график колебания годовичных колец, затем он накладывался на другие, проверялся, уточнялся.

Свыше тысячи графиков, 220 000 замеров годовичных колец, огромные полотна сводных таблиц!

Постепенно, шаг за шагом устанавливались даты в глубинах веков. Кропотливейший труд и замечательный результат! Известны приблизительные (с точностью до 1 года) даты городских построек от X до XVI века. Все 28 ярусов датированы!

Оказалось, что толщина культурных слоев в городе очень неравномерна в разных местах и не может датироваться только соответственно глубине залегания яруса мостовой. Выяснилось, что периодичность нарастания ярусов далеко не так равномерна, как предполагалось вначале.

Данные естественной науки решили спор ученых, подтвердив многие мысли споривших сторон, а многие — опровергнув. Оба ученых, А. В. Арциховский и Б. А. Рыбаков, в чем-то оказались правы, а где-то их ждали разочарования.

Дендрохронологическая шкала, обозначавшая возрасты новгородских находок, прошла где-то между шкалой Арцихов-

ского — Колчина и шкалой Рыбакова, иногда сближаясь и совпадая то с одной, то с другой.

А как же маленький новгородец Онфим — «виновник» всей этой истории? Когда же он все-таки жил?

В этом вопросе профессору Арциховскому и его сторонникам пришлось сдаться. Ярус № 15 датируется так, как предполагал академик Рыбаков, т. е. серединой XIII века. Это установила дендрохронология.

И именно ей оба «воевавших» ученых обязаны тем, что в 1963 году они могут справить своеобразный юбилей: по-видимому, исполняется ровно 700 лет с того времени, как маленький мальчик Онфим написал маленькую берестяную грамоту, которая начала их большую дискуссию.

* *

*

Да, взаимоотношения истории с естественными науками устанавливаются очень прочно. То, что мы рассказали о новгородской хронологии, — лишь один из многочисленных примеров таких взаимоотношений.

Проблема установления возраста археологических находок во многих случаях решается, например, с помощью радиоактивной техники. В органических остатках содержится радиоуглерод C^{14} . Он усваивается растениями, животными и людьми из атмосферы, и его количество в организме постоянно. Со смертью живого организма начинается постепенный радиоактивный распад этого элемента. Специальными установками, определяя величину распада C^{14} , ученые точно определяют, сколько времени прошло с момента гибели животного, растения или человека, останки которых найдены при раскопках.

Можно было бы назвать и еще целый ряд оригинальных методов применения точных наук в археологии, но нельзя обижать другие разделы истории. Тем более что собственно исторические методы раскрытия загадок заслуживают не меньшего внимания.

РУССКАЯ МУЗЫКА В ЛОНДОНЕ¹

Князь Юрий Николаевич Голицын, камергер, сидел за листами нотной бумаги и улыбался в гигантскую бороду не то грустно, не то весело. В любом случае это было вполне объяснимо. Известнейший в России человек, один из тех, кого привыкли считать столпами императорского трона, сидел и сочинял... «Вальс Герцена»... Музыка, посвященная человеку, имя которого произносилось в России шепотом. За чтение его журнала «Колокол», который разоблачал в острых статьях самодержавие и крепостной строй, гноили в тюрьмах и ссылках!

Юрий Голицын мог представить себе физиономии своих тетушек, когда они узнают об этом. Ну, происхождения князя Юрия, приведшие его в Петербурге к стотысячному долгу, — это вполне понятно: князь шалил. Увлечение музыкой, незаурядный композиторский и дирижерский талант, народный хор из своих крепостных — это, хоть и с трудом, но как-то объяснимо: князья имеют право на чудачества. Но связь с бунтовщиком, осмелившимся возвысить голос против государства!.. Это удар, который требует обморока.

Обширная зала Джеймс Холл в Лондоне переполнена каждый вечер. Чуть не вся столица Англии перебивала здесь. И каждый раз огромная фигура русского князя склоняется навстречу треску и грому аплодисментов. Типографские станки вбивают в тонкую бумагу слова Герцена, которые вскоре с десятками листов «Колокола» разойдутся по России, удивляя читающую публику на самый разный манер...

«Концерты кн. Ю. Н. Голицына имеют решительный, огромный успех... Эстетическое нашествие русских звуков идет от победы к победе... Мы от всей души желаем успеха и успеха русским концертам кн. Голицына. И тем более, что кн. Голицын ими начинает новую жизнь — из камергеров он делается художником. До сих пор он жил, как все русское барство, чужим трудом, значением по службе и царской милостью; теперь он начинает, как всякий независимый артист, жить своим трудом, значением своего таланта; высочайшее

¹ Название статьи А. И. Герцена в «Колоколе» от 15 июля 1860 года.

благоволение заменяется рукоплесканиями свободной аудитории, а крестьянский оброк — платой за билеты.

Мы приветствуем князя на этом человеческом поприще...» Человеческое поприще... Это труд. Но только ли он заполняет жизнь человека? Можно жить честно, но быть равнодушным к народному горю и страданиям, а можно участвовать в борьбе за свой народ...

Многие в то время знали князя Ю. Н. Голицына, знали и о его «чудачествах», но мало кто мог даже представить себе, что он был корреспондентом Герцена, тайно сообщавшим ему необходимые сведения.

В Московском областном краеведческом музее хранится в фондах подшивка «Колокола», взятая в зеленый кожаный переплет, на котором золотом вытеснен колокол. Переплет старый, современный самим номерам журнала. Как важна бывает для историка наблюдательность. Долгое время не замечали в подшивке ничего особенного.

Но вот научный сотрудник музея Н. Я. Эйдельман увидел ее и задал совершенно закономерный вопрос: кто мог в России того времени решиться отдать в типографию для переплетения строжайше запрещенный журнал? И каково же было его удивление, когда подшивка эта поведала ему прелюбопытную историю. В самом конце подшивки, куда вряд ли кто заглядывал, вместе с номерами «Колокола» были переплетены три письма. Первое письмо оказалось копией послания кн. Голицына Герцену за личной подписью самого князя. Это письмо заканчивалось, между прочим, так:

«Звони же, «Колокол», на всю святую Русь, — звони сильно над головою самого царя, пробуждай спящих, — сзывай громким набатом своим всех русских на общее, великое дело, — сбратай нас с просвещенным миром!

(1858 г.). Июля 28, Дрезден, Юрий Голицын».

8

Следующим письмом в подшивке оказался подлинный ответ Герцена Ю. Голицыну, где замечательный русский мыслитель и демократ благодарил князя за письмо.

А третьим документом книги в зеленой обложке была большая корреспонденция кн. Голицына Герцену на заранее установленную между ними тему о состоянии губернских дворянских комитетов, обсуждавших проблему освобождения крестьян.

Так вот оно человеческое поприще — борьба за свой народ, за будущее своей страны. И вот место в строю — рядовой корреспондент «Колокола», князь Голицын, камергер!..

От писем к Герцену до музыки Герцену промежуток в

два года. И если бы не было именно этой зеленой книги — такого перехода, возможно, и не случилось бы...

Приехав в 1858 году из-за границы, Голицын однажды явился в правительственную типографию и, бросив служащим пачку номеров «Колокола» с приложением своей переписки, рявкнул громовым голосом: «Переплетите, братцы!».

Его желание было немедленно исполнено. Но... кто-то донес. Обыск. У Голицына находят зеленую книгу. Князя и камергера было неудобно судить. Его сослали под надзор полиции в собственное имение. Именно тогда он организовал хор из своих крепостных, который с огромным успехом выступал в ряде городов.

Не снеся унижительной полицейской опеки, князь бежал за границу. Скоро он был уже в Лондоне и вот... «Вальс Герцена».

«Человеческое попрание»... Оно оказалось трудным делом. Не все были способны выдержать изгнание. Князь Голицын не выдержал. Затосковав по родине, попросился в Россию. Пустили под строжайший надзор. Так и умер, не найдя твердого пути, этот неуклюжий, большой, развеселый, грустный русский человек.

Зеленая книга его, пролежав свыше 40 лет в архиве III отделения полиции, а затем совершив головокружные зигзаги по другим архивам и музеям, угодила, наконец, в Московский областной краеведческий музей. А «Вальс Герцена»? Он пока не найден. К большому сожалению. Говорят, это была вещь, с блеском исполнявшаяся и принимавшаяся на «бис».

ВАША ВСТРЕЧА С ТАИНСТВЕННЫМ НЕЗНАКОМЦЕМ

Корреспонденты «Колокола» в России — одна из серьезных загадок современной истории. Еще очень далеко до ее полного разрешения.

Действие разорвавшейся бомбы произвело однажды помещенное в «Колоколе» «Письмо из провинции». Этот документ широко известен. Какой-то демократ резко критикует либерализм Герцена с позиций пламенного революционера и заканчивает письмо знаменитыми словами:

«К топору зовите Русь. Прощайте и помните, что сотни лет уже губит Русь вера в добрые намерения царей, не вам ее поддерживать.

С глубоким к вам уважением

Русский человек».

Дорого дал бы Герцен, потрясенный до глубины души, чтобы узнать, кто этот русский человек!

Шли годы, а автор «Письма из провинции», которое оказало огромное влияние на молодежь того времени и на дальнейший характер русского революционного движения, оставался неизвестен.

Кто он? По взглядам, это революционный демократ типа Чернышевского. И именно Чернышевского многие считали автором письма. Но убедительных доказательств не было.

Кропотливое изучение документов, связанных с деятельностью Н. Г. Чернышевского, воспоминания разных людей о нем дали возможность доказать, что автором «Письма из провинции» был не он, но, без сомнения, человек, находившийся в самой близкой связи с ним.

Кто?

В архивах продолжают поиски. Однако найти документ, который бы прямо называл автора письма, очень трудно. Автор мог доверить только самым ближайшим друзьям тайну такой корреспонденции, и, конечно, если даже какие-либо документы об этом были, они сохранялись в величайшем секрете. А может быть, их и не было? Или их уничтожили? Человек с такими взглядами мог в любой момент опасаться

ареста, обыска... Как же быть, когда ни вещественных, ни письменных свидетельств нет?

Не удивляйтесь, если мы совершенно всерьез предложим вам, читатель, представить себя, ну, скажем, ученым секретарем ученого совета по выяснению истории герценовского «Колокола». Вы прекрасно знакомы с «Письмом из провинции». Вы сидите в кабинете Института истории Академии наук и нервно стучите карандашом по стопке страниц с машинописным текстом. Это материалы для готовящегося к изданию научного труда вашего совета о корреспондентах «Колокола» в России. Вам есть от чего нервничать. Издание задерживается из-за того, что ничего не известно о самом интересном и важном корреспонденте — «Русском человеке». Ах, как много вы дали бы, если бы узнать только два-три коротких слова — имя и фамилию этого человека!

И вдруг рядом с вами раздается спокойный голос: «Я назову вам его имя и фамилию».

Вы вздрагиваете от неожиданности и видите перед собой человека, по-видимому, иностранца, уже немолодого, одетого в строгий элегантный костюм, с трубкой в руках. Он внимательно смотрит на вас, и вы смутно сознаете, что где-то видели его...

— С кем имею честь? — спрашиваете вы.

— О, сэр, мне кажется, что нет необходимости прежде времени называть мое имя. Думаю, что вы сами вспомните его. Давайте лучше поговорим о другом имени, которое больше всего интересует вас в данную минуту.

— О «Русском человеке»?!

— Да, о нем.

Вы оба садитесь. Незнакомец с наслаждением затягивается ароматным дымом.

Вы сгораете от нетерпения:

— Так вам известно, кто написал «Письмо из провинции»?

— Известно.

— Кто?

— Николай Александрович Добролюбов.

У вас пересыхает в горле.

— Вы можете представить какие-нибудь документы?

— Ровным счетом никаких.

— Да, но...

— Позвольте, уважаемый ученый секретарь, задать вам несколько вопросов.

— Пожалуйста.

— В ответ на какую статью Герцена написал таинственный «Русский человек» свое «Письмо из провинции»?

— В ответ на его статью в № 60 «Колокола», который вышел 1 января 1860 года. Статья называлась «1860 год». В ней Герцен склонялся к либеральному, мирному решению

вопроса об освобождении крестьян от крепостного права. За это и нападал на него «Русский человек», призывавший к революционному пути освобождения.

— Так. А когда появилось в «Колоколе» это письмо «Русского человека»?

— Первого марта того же года в № 64 журнала Герцена.

— Прекрасно. Значит, с момента напечатания статьи Герцена «1860 год» до напечатания статьи «Русского человека» прошло два месяца. Вам известно что-либо о почтовых сообщениях сто лет назад?

— Признаться, не очень многое...

— Я сообщу вам самое главное.

В то время почта из Лондона доходила до Петербурга или, скажем, Одессы недели за две. Люди, имевшие отлично налаженную нелегальную связь с Лондоном, получали очередной номер «Колокола» в Петербурге дней через 20 после его выхода в свет. И это у самой границы, до которой он шел совершенно беспрепятственно. Переправить же «Колокол» в глухую русскую провинцию было уже очень сложным делом, и туда он доходил, естественно, гораздо позже.

Давайте считать. Предположим, что «Русский человек», получив № 60 «Колокола», в тот же день написал и отправил свое «Письмо» в Лондон, а Герцен, получив его и подумав не более нескольких дней над ним, сразу опубликовал.

— Он ведь пишет в своем предисловии к «Письму», что «долго думал», прежде чем его напечатать.

— Тем лучше. Но допустим, что эти думы не продлились более нескольких дней.

Все равно получается, что только на движение № 60 «Колокола» из Лондона к границам России и на движение письма «Русского человека» от границ России в Лондон ушло 40—50 дней, или в один конец 20—25 дней. Мог ли автор «Письма из провинции» находиться в провинции?

— Конечно, нет! Он находился где-то в самом быстро достижимом для «Колокола» месте России.

— Согласитесь, что, имея в виду очень передовые взгляды автора «Письма» и его прекрасное знание (а значит, и регулярное чтение) «Колокола» и произведений Герцена, а также самых последних новостей политики и литературы, мы должны признать местом его жительства Петербург — центр самых передовых мыслей и дел. Кстати, это и самое быстро достижимое для «Колокола» место.

— Не могу ничего возразить.

Незнакомец сделал крупную затяжку.

— Так почему же письмо загадочного «Русского человека» называется «Письмо из провинции»?

— Ну, может быть, из конспиративных соображений он не хотел указывать своего места жительства!

— А зачем он вообще должен был указывать какое-либо место своего пребывания? Он спокойно мог озаглавить письмо как угодно по-другому, и место его пребывания равно оказалось бы неизвестным.

— Вы думаете, что название «Письмо из провинции» имеет какой-нибудь особый, связанный с обстоятельствами его деятельности смысл?

— Не будем торопиться. Мы установили, что по крайней мере в момент чтения № 60 «Колокола» и отправки своего ответа на него «Русский человек» находился в Петербурге. Но вот шесть лет назад он, как сам пишет, «таскался по провинции» и «жил среди народа».

— Это было во время Крымской войны в 1854 году?

— Да. Не припомните ли вы, кто из ближайших соратников Чернышевского мог в это время «таскаться по провинции»?

— Постойте-ка... Да, ведь это же Добролюбов. И только он! Он действительно в это время путешествовал из Петербурга в Тверь, из Твери в Нижний Новгород! — восклицаете вы в большом удивлении от находки.

А незнакомец доволен и по всему видно, что готовит вам последний сюрприз.

— Вы помните такое место в «Письме» «Русского человека», где он говорит Герцену: «В то время, как вы так снисходительны стали к августейшему дому, само православие в лице умнейших своих представителей желало бы отделаться от союза с ним»?

— Да, помню, а дальше он пишет, что дело, конечно, не в православии, пусть гибнет вместе с самодержавием и т. д. И вообще в «Письме» часто затрагиваются вопросы религии. Но какое это может иметь значение?

— И все-таки, кого он имеет в виду, говоря об «умнейших представителях» религиозной среды в России?

— Позвольте, позвольте... Не задумывался над этим. По-моему, речь может идти о священнике И. С. Беллюстине, издавшем за границей книгу с разоблачением нравов русского духовенства, и архимандрите Феодоре (Бухарева), который писал статьи, призывающие церковь идти в ногу с современностью, намекая на помощь в деле освобождения крестьян.

— Правильно. А теперь скажите, — говорит незнакомец и хитро щурится, — а откуда вы это знаете?

— Откуда я знаю?.. Из статей Добролюбова...

И тут вы вскакиваете со стула: «Да! Ведь кроме него, никто в России не выступил в защиту этих двух «умнейших людей» из православия. Это Добролюбов написал две статьи в журнале Чернышевского «Современник» по этому поводу! Это он в редакции был главным знатоком в вопросах религии и церкви!..»

Выпуская большие и частые клубы дыма, собеседник начинает быстро спрашивать вас:

— Когда была написана Добролюбовым вторая статья?

— В январе 1860 года.

— Какова ее судьба?

— Ее запретили.

— Когда?

— 23 января того же года.

— Когда Добролюбов мог получить 60-й номер «Колокола» от 1 января?

— Где-то именно около 23 января.

— Не помните ли вы, что пишет «Русский человек» по поводу литературы о духовенстве?

— Он пишет Герцену, что царь «запретил писать о духовенстве»!

— Так! А теперь, где находился Добролюбов в промежутке от 23 до 29 января?

— Съездил в Москву.

— Его впечатления?

— Он считал ее культурную жизнь отсталой от передовых идей времени.

— И, наверное, по сравнению с Петербургом, — провинциальной.

— Очень возможно. Москва в то время действительно была провинцией во многих отношениях.

— Вот именно *провинцией*. А когда должно было быть написано «Письмо из провинции»?

— Именно в этих числах!

— Вот видите, я только задавал вопросы, а тайну «Русского человека» разгадали вы сами, — говорит незнакомец и совершенно исчезает в клубах дыма.

И тут вас, читатель, озаряет мысль.

— Я вспомнил, откуда я вас знаю! Вы знаменитый Шерлок Холмс! — восклицаете вы, бросаясь размахивать дым. Но... кресло, на котором сидел умнейший из сыщиков, пусто. Шерлока Холмса нет. А его и не было.

Приведенные здесь вопросы и ответы — это примерные соображения и поиски не одного человека, а целого ряда историков, результаты вдумчивого прочтения текста и хитроумных умозаключений. Есть и еще одно обстоятельство: несмотря на то, что в результате подобных соображений большинство историков во главе с крупнейшим исследователем того периода академиком М. В. Нечкиной склонны считать автором «Письма из провинции» Н. А. Добролюбова, вопрос еще не решен окончательно, и поиски будут продолжаться. Но кто попытается утверждать, что историки не шерлоки холмсы и что сила сообразительности не есть один из замечательных инструментов, открывающих тайны истории!

ОДНА ИЗ ТАИН ЖЕЛЕЗНОЙ МОНОПОЛИИ

1916 год. Европа в пожаре первой мировой войны. На восточном фронте льется кровь русских солдат, слишком много крови. Слишком — потому, что не хватает самого необходимого вооружения, снаряжения, боеприпасов. Немецкие войска делают 3000 выстрелов, а русские в это же время могут сделать только 300... Русская промышленность снабдила армию 8 миллионами винтовок, а их потребовалось 17,7 миллиона...

Народное хозяйство России надрывается, не в силах выполнить требования войны с многократно сильнейшей Германией, тухнут домы, останавливаются заводы, в стране пропадают металл, топливо, продовольствие.

Петроград полон слухов, тревожных ожиданий. В ведомствах растерянность и неразбериха, в ресторанах обжорство и пьянство тех, кто набивает карманы на бедствии страны.

Очутившись в безвыходном положении, царизм (власть дворян — помещиков) вынужден был привлечь частную промышленность, русских капиталистов не только к работе по военным заказам, но и к делу регулирования военного производства, управления экономикой всей страны. Русские монополии, словно гигантские спруты, потянули свои щупальца к государственным учреждениям, чуя запах неслыханных военных прибылей.

Металлургический синдикат «Продамета», главнейший поставщик металла страны, сахарный синдикат, синдикаты «Продуголь», «Кровля» и другие в дружном «патриотическом» порыве откликнулись на приглашение ограбить казну, вынужденную платить любые деньги за исполнение военных заказов.

Генерал Мышлаевский в отличном расположении духа

катил в автомобиле по солнечным столичным улицам. Он ехал на заседание Metallургического комитета, образованного во время войны для регулирования производства металла в России. В Комитете участвовали представители русской буржуазии. Там властвовала «Продамета». Давно уже она добивалась, чтобы Комитет представлял собой нечто вроде конторы синдиката, распоряжающейся во всероссийском масштабе под вывеской вполне государственного, вполне правительственного лица — уполномоченного по снабжению металлами. Это было очень удобно: вывеска государственная, контора частная. Политика государства в важнейшей и крупнейшей отрасли промышленности — металлургии есть политика «Продаметы», и, наоборот, политика «Продаметы» есть политика государства... Попробуй подкопаться и упрекнуть, что железная монополия спекулирует на нуждах отечества!

И вот теперь мечта металлургических магнатов сбылась, только они еще не знают об этом. Об этом знает внушительный портфель генерала Мышлаевского, государственного представителя в Комитете... Генерал так доволен, что ему даже не сидится на месте. Переполненный предвкушением того эффекта, который он сейчас произведет, Мышлаевский игрив и весел. Вот он входит в комнату, где его уже ждут. Любезные приветствия, поклоны, улыбки, а глаза всех напряжены и сосредоточены на нем. С загадочным выражением лица генерал садится, длинной паузой приковывает к себе всеобщее внимание и, громко шлепнув ладонями по ручкам кресла, заявляет: «Новое положение о главном уполномоченном по снабжению металлами утверждено, и перед вами сидит главный уполномоченный по снабжению металлами. Вы, так сказать, умилились, согласно вашему желанию, и превратились в совещательный орган при моем Высокопревосходительстве — я могу с вами согласиться, могу передать вам дело, могу не передать — за это буду отвечать своею шкурой, что буду делать с большим удовольствием».

Радости железных королей не было конца! Намеки генерала на самовластие были просто шуткой, игривой шуткой, не более. Он хорошо понимал, что никакой комитет, никакой главный уполномоченный не сделают ничего без налаженного и большого аппарата регулирования, учета, контроля, который мог бы практически осуществлять повседневно бесчисленные связи между массой заводов, фабрик, банков, давать нужные сведения, быстро проводить по своим каналам в разные места нужные решения, претворять их в жизнь. У государства не было такого аппарата.

Таким аппаратом регулирования и контроля над синдикатом «Продаметой» (так как именно он объединял почти всю металлургию) мог быть только аппарат самого синдиката «Продаметы»...

Поэтому генерал перестал шутить.

«В одно из следующих заседаний, — продолжал он, — мы поговорим о том, чтобы нашей канцелярией была «Продамента», по другим металлам, как по кровельному железу, — «Кровля». Мы объединим статистические материалы, которые там есть, и привлечем силы. Оплачивать своих служащих они будут сами, но работать для нас будут... Это все будет доложено военному министру, чтобы не было разговора о том, что мы вступили в соглашение с какими-то синдикатами... Понимающие улыбки и кивки были ему наградой.

«Н-да, при данной военной конъюнктуре, если бы не было «Продаменты», то ее надо бы создать, — буркнул представитель земского союза А. Г. Хрушев. — Но нельзя закрывать глаза на обратную сторону взаимоотношений между «Продаметой» и металлургическим комитетом. Последний может оказаться в положении человека, который кричит, что поймал медведя, в то время как медведь держит его в лапах».

Это мрачное предположение было знакомо всем, но что делать! Министерства: военное, морское, путей сообщения и другие — совершенно запутались в деле заказов, пытались самостоятельно распределять их по заводам. Чудовищные недопоставки по их заказам для нужд обороны растут, а тысячи людей от этого гибнут на фронте.

«Я все время говорю Министерству путей сообщения, — нервничает Мышлаевский, — хотите действовать через «Продамету» — действуйте. Войдите в мое положение, господа, ведь я не могу написать — действуйте через «Продамету», размещайте заказы через «Продамету», меня сейчас же ущемят, что я в альянсе, в брачном союзе с «Продаметой»!

«Какой там альянс, — тихо говорит Тикстон, управляющий делами «Продаменты», — я уж сколько настаивал, что необходимость повышения цен по заказам должна быть признана неотложной, дабы заводы имели возможность исполнять заказы при теперешних обстоятельствах»...

Это заявление, как громом, поражает всех. Так вот она, плата за патриотическое предложение монополии предоставить свой аппарат государству, спасая дело обороны от неразберихи, а людей от напрасной смерти!

«Как, еще повысить цены! — восклицает инженер Вольский. — Я понимаю, что, конечно, никто не может работать себе в убыток, но всему же должен быть предел... Ведь южные заводы несомненно получают колоссальную прибыль!»

Вольского поддерживает представитель Госконтроля.

«Да, но сейчас металл все равно что драгоценный камень», — вздыхает Мышлаевский и бросает быстрый взгляд на представителей министерств-заказчиков.

Представитель Морского министерства Швецов откашлялся. «Я полагаю, что в настоящее время совершенно не

приходится говорить о расценках, потому что металла все равно ни по какой цене мы не получим в достаточном количестве. Вообще же металлургический механизм настолько сложен, количество трений между его частями настолько велико, что так или иначе смазать его отдельные части... необходимо, и мне кажется, что именно повышение цен и явится той смазкой, благодаря которой мы будем получать так или иначе больше металла.

Определенность этого заявления быстро отбросила колебания.

И правительство повысило цены на изделия заводов «Продаметы», в карманы монополистов хлынул новый поток прибыли.

Вот так это было. Вот так крупнейшие русские монополии сливались с государственным аппаратом, прибирая его к своим рукам, так складывался государственно-монополистический аппарат регулирования производством.

В исторической науке все это называется формированием государственно-монополистического капитализма.

Приведенный здесь разговор не был на самом деле разговором одного дня. Этот разговор длился в течение всего второго полугодия 1916 года. Но все слова в нем — подлинные высказывания названных тут людей. Лишь для связи этих высказываний в единый разговор мы добавили от себя в двух-трех местах несколько ничего не значащих вводных слов и междометий.

Разговоры людей, упомянутые здесь, в течение сорока с лишним лет были призраками прошлого, втиснутыми в пыльные архивные «дела», и вытасканы на свет совсем недавно. Зачем? Не пора ли было забыть о них?

Если предложить вам вопрос: закономерно ли то, что у нас в стране построен социализм? — согласитесь, такой вопрос может показаться нелепым. Социализм — это факт, который мы видим собственными глазами. Более того, мы перешли уже к развернутому построению коммунизма.

И, тем не менее, подобный вопрос имеет целую историю, а значимость его правильного решения сохраняется и по сей день:

в настоящем—вслед за нами многие народы мира стали строить социализм;

в будущем—к нему постепенно придут и все остальные народы.

Поэтому огромное значение для практики сегодняшних дней имеют вопросы об общих закономерностях и частных особенностях перехода к социализму различных стран.

Естественно, что прежде всего наука должна была выяснить вопрос о том, как пришла к социализму первая страна — Россия.

Маркс и Энгельс учили, что социалистическая революция может победить сразу в нескольких странах, но только в тех, где экономика достигла высокого развития. Это понятно, так как иначе в те времена, в конце XIX века, просто не удалось бы построить социализм и отстоять его от внешних и внутренних врагов.

И вдруг социалистическая революция свершается и побеждает в России, нищей России, которую ко всему прочему царь и капиталисты довели до страшного разорения и почти полного паралича всего народного хозяйства, втянув в первую мировую войну и заставив бороться с многократно сильнее противником.

Еще до того момента, когда был взят Зимний, В. И. Ленин разработал новую теорию социалистической революции. Он доказал, что в XX веке стала возможна победа социалистической революции в одной стране. Причем Владимир Ильич отмечал, что это может быть страна со средним развитием капитализма, что для победы социализма не обязательно иметь высокоразвитую во всех отношениях экономику.

В техническом отношении Россия была страной отсталой, но зато капиталистическая организация ее производства стояла на большой высоте. В. И. Ленин неоднократно на это указывал. Однако кое-кто не желал этого видеть.

Капиталисты разных стран и их «теоретики» объявили, что построение социализма у нас вообще невозможно, так как наша революция произошла в нарушение объективных экономических законов. В России видели только ее техническую отсталость. И раз Россия — отсталая страна, и думать нечего о социализме, надо пока не поздно восстанавливать капитализм.

Получалось, что Советская Россия — нечто незаконнорожденное, нечто случайное, лишенное прав на существование, именно на этом и до сих пор настаивают буржуазные «теоретики». И в головах многих советских историков общее представление об отсталости России затемняло все остальное. Закономерность Октября доказывали чем угодно, но только не зрелостью материальных, экономических предпосылок.

В значительной степени это обуславливалось неверными положениями И. В. Сталина, утвердившего взгляд на Россию как отсталую во всех отношениях, полуколониальную страну.

Но если не было достаточной степени экономической развитости, то социалистическая революция — действительно нарушение всяческих законов, случайное явление.

В исторической науке началась длительная многолетняя борьба двух направлений. Одно из них, поддерживая общие сталинские положения, не шло дальше, и на вопрос о высокой степени развития русских монополий, а затем государственно-монополистических организаций давало отрицатель-

ные ответы. Другое направление постепенно, кропотливым исследовательским трудом пыталось проникнуть в действительную сущность вещей.

Именно в этом, последнем направлении сложилась школа советских историков, созданная и возглавляемая до сих пор профессором А. Л. Сидоровым. Школа в исторической науке — это группа ученых, принявших основное направление мысли ведущего представителя (а часто и прямо учителя) и объединенных общими взглядами по принципиальным вопросам какой-то большой проблемы.

А. Л. Сидоров и другие ученые с разных сторон начали подходить к решению одного большого вопроса: каковы материальные предпосылки Великой Октябрьской социалистической революции?

Годами шел напряженный труд в архивах, библиотеках, где поднимались и изучались сотни огромных томов документов, прочитывалось бесконечное множество книг и статей; затем публиковались ценные научные работы. Были выяснены многие интересные стороны деятельности русских монополий, показавшие их большую экономическую зрелость, была выяснена общая хозяйственная обстановка в годы первой мировой войны в России, деятельность отдельных отраслей промышленности, взаимоотношений правительства и русской буржуазии в ряде важнейших вопросов и т. п. Не хватало одного крупного звена. Не был обнаружен самый механизм соединения государства с аппаратом монополий, не был конкретно, наглядно и последовательно показан сам процесс формирования государственно-монополистических органов, не была раскрыта кухня их политики.

На какое-то время проблема государственного капитализма в России стала в известном смысле для историков, изучающих предреволюционный период, решающей проблемой.

И вот в читальных залах архивов появился один из учеников А. Л. Сидорова, молодой ученый К. Н. Тарновский. Он и начал работу именно над этой решающей проблемой.

Объектом исследования была избрана металлургическая промышленность в годы войны — самая крупная и одна из самых важнейших отраслей промышленности России. Ко всему прочему она была и наименее изучена.

Итак, архивные поиски... Но где искать? Документы, которые относились к металлургии в фондах основного государственно-капиталистического органа — Особого совещания по обороне, осуществлявшего общее регулирование всей экономикой, — были более или менее известны и почти ничего не давали. Но Особое совещание по обороне — это общее руководство, а потому оно может не содержать в своих бумагах секретов подлинного положения дел. Такие секреты раскроются скорее в органах по непосредственному регулирова-

нию металлургией. Так был взят для анализа большой, разрозненный по многим архивам Москвы и Ленинграда фонд Металлургического комитета.

Первые шаги стали убеждать К. Н. Тарновского, что он напал на ту «золотую жилу», которая так нужна. Именно ему все эти Мышлаевские, Тикстоны и прочие рассказали тайны «регулирования» важнейшей сферой экономики, которые мы вкратце изложили в их собственных словах. А рассказывали они не сразу!.. Годы напряженного труда потребовались для того, чтобы вырвать у призраков прошлого ценнейшие признания. И конечно далеко не только этими признаниями ограничивался поиск. Просматривались и изучались сотни дел, содержащих всевозможные финансовые отчеты, ведомости, справки, накладные, записки, деловые письма... Тысячи и тысячи листов бумаги. Делались сотни выписок, снимались копии документов, составлялись статистические таблицы, производились длинные подсчеты... И вот, наконец, в 1958 году на свет появилась книга К. Н. Тарновского «Формирование государственно-монополистического капитализма в России в годы первой мировой войны», содержащая всего 262 страницы.

Однако в этих немногих страницах, за которыми стоял огромный труд, была заключена блестящая победа ученого и всей школы историков, к которой он принадлежал.

Вместе с работами других исследователей эта книга стала прочным доказательством высокого развития системы русского производства, вполне созревшего для перехода в руки рабочего класса.

Основываясь на большом конкретном материале, было установлено, что, несмотря на свою техническую отсталость, производительные силы России достигли огромной степени обобществления, т. е. такого состояния, когда управление множеством ранее разрозненных предприятий сосредоточилось всего в нескольких руках. В этом отношении производство России стояло даже выше производства многих передовых стран. В. И. Ленин указал на то, что в период первой мировой войны был сделан еще один крупный шаг вперед — аппараты крупнейших монополий стали сращиваться с государственным аппаратом, образуя систему государственного капитализма.

А «государственно-монополистический капитализм, — говорил В. И. Ленин, — есть полнейшая *материальная* подготовка социализма». Действительно, это и есть самое важное и самое главное для начала социалистических преобразований: победивший пролетариат сразу может взять в свои руки экономику, управление которой уже централизовано и сосредоточено в немногих пунктах. Так он закрепит свою победу и будет в состоянии удержать власть. А потом он может при-

няться за коренное переустройство производства в смысле резкого повышения его уровня, изменяя и всю систему управления.

В период культа личности эти положения были преданы забвению или истолковывались превратно. Теперь они полностью восстановлены.

Изучение предпосылок первой в мире социалистической революции важно не только для истории, это нужно для самого настоящего и будущего. Знание закономерностей путей, по которым будут приходить к социализму другие народы нашей планеты, помогает решать практические проблемы этого великого процесса.

Школа профессора А. Л. Сидорова сложилась как школа, видимо, не случайно. Широта проблем истории новейшего времени требует усилий не одного, а многих ученых, так сказать, комплексного изучения каждой большой проблемы, что под силу только целому коллективу. И, конечно, наиболее успешным оказывается коллектив, объединенный общими взглядами, руководством, направлением поисков. Поэтому и успехи школы Сидорова тоже, очевидно, не случайны. Эта группа ученых не прекращает работы над большой проблемой предпосылок Октябрьской революции. И хотя вопрос о формировании государственно-монополистического капитализма в принципиальных чертах теперь решен, но есть множество больших вопросов и важных деталей, еще ожидающих своей разработки.

* *
*

Если человека неискушенного повести в архив, ему, может быть, скоро станет скучно. Зато у историка на пороге архива просыпаются совсем особые чувства. Они, вероятно, очень похожи на чувства геолога, твердо уверенного, что в этих местах есть несметные богатства недр, но еще не знающего, в какой именно точке он нападет на них. Архив для историка — это его неоткрытая Америка, это земля, которая только и способна питать его соками жизни. Историк того периода времени, когда широко применяется письменность, без архива немислим. В тихих читальных залах центральных архивов ежедневно идет молчаливый напряженный поиск, борьба с препятствиями и подводными рифами, кропотливый труд, решающий ежедневно десятки мелких (рабочих) и крупных (уже значимых для науки) загадок и тайн.

Миллионы единиц хранения — «дел» — застыли на бесконечных полках хранилищ. Из них известны в лучшем случае несколько десятков тысяч. Сотни тысяч дел еще ни разу не раскрывались перед исследователями. В них — решение многих сегодняшних и завтрашних загадок и тайн.

Работа в архивах — многолетний и очень кропотливый труд, масса «черной» работы по накоплению материала и т. п.

Среди историков существует поговорка: хорошим математиком можно стать в 20 лет, историком — не раньше сорока. Исторiku никак недостаточно талантливой головы — он должен «обрасти» материалом, множеством фактов, прежде чем сможет извлекать из их глубокого анализа ценные выводы, обогащающие науку.

Тяжелый путь, но зато какую огромную помощь оказывают достигнутые на этом пути результаты для развития человеческой мысли, для строительства коммунистического завтра!

ЛИТЕРАТУРА

- Бершадский Р. Ю.** Две повести о тайнах истории. М., «Сов. писатель», 1960. 191 стр. с илл.
- Арциховский А. В.** Берестяные грамоты мальчика Онфима «Советская археология», 1957, № 3, стр. 215—223.
- Арциховский А. В. и Борковский В. И.** Новгородские грамоты на бересте. М., Изд. АН СССР, 1958, 152 стр. с илл.
- По следам древних культур. Древняя Русь.** М., Госкультпросветиздат. 1953. 360 стр. с илл.
- Революционная ситуация в России 1859—1861 гг.** М., Изд. АН СССР. 1960. 544 стр. с илл.
- «Колокол»** — газета А. И. Герцена и Н. П. Огарева. Вольная русская типография. 1857—1867. «Лондон—Женева», факсимильное издание в 11 вып. М., Изд. АН СССР. 1962. Вып. 3. 1860 г.
- Герцен А. И.** Сочинения т. XIV. От редакции (Предисловия к «Письму из провинции»). М., 1958, стр. 238—244. Комментарии, стр. 538—542.
- Натанов Н.** Секрет Искандера. «Знание—сила», 1962, № 1, стр. 35—39.
- Тарновский К. Н.** Формирование государственно-монополистического капитализма в России в годы первой мировой войны. М., МГУ. 1958. 263 стр.

6 коп.

Индекс
70064